

О МНОЖЕСТВЕННОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Под множественным преобразованием семантики языкового знака мы понимаем метафору. Разрабатываемый в рамках докторской диссертации «Семантическая типология порождения знаков» аспект — дидактика семантики. Инофоны не понимают русских метафор. Как объяснить, например, метафору «свет», если научное определение **света** не проливает свет на этот вопрос: «Свет — это световое движение светящихся тел» (Паскаль; из комментария А. Вежбицкой) [1, с. 29]. «Естественный язык обладает свойством, которое очень трудно определить из-за тавтологий. В самом общем виде это свойство принято называть в лингвистике асимметрией» [2, с.138].

Сам термин «метафора» вызывает определённые трудности в обучении РКИ. Простое объяснение «метафора — это употребление слова в переносном значении» могло бы удовлетворить, если бы инофон понимал, что такое «переносное значение» (буквально: *значение, которое переносят* (кто? куда? и зачем?)). В расширительном смысле термин *метафора* применяется к любым видам употребления слов в *непрямом значении* [3, с. 296], тогда что считать употреблением слова в прямом значении? В любом случае смысл *таинственного* слова *метафора* остаётся словом, которое *таит* в себе какую-то *тайну*. Вспомним известный случай, когда американский учёный Рэй Джиббс проходил проверку документов в аэропорту Тель-Авива и ему был задан вопрос о цели его визита в Израиль. «Джиббс ответил, что он приглашён на конференцию по метафоре. Офицер поинтересовался, что такое метафора. Тут учёный задумался, а офицер строго спросил: «Вы приехали на конференцию по метафоре, и вы не знаете, что такое метафора?» Профессор был задержан, в течение часа его допрашивала полиция, и только вмешательство израильских коллег, подтвердивших его легитимность, помогло ему вновь обрести свободу» [4, с. 124].

Вспомним А. Эйнштейна: «Что значит, в сущности, «думать»? Когда при восприятии ощущений, идущих от органов чувств, в воображении всплывают картины воспоминания, то это еще не значит «думать».... Мне кажется, что переход от свободных ассоциаций или «мечтаний» к мышлению характеризуется той более или менее доминирующей ролью, какую играет при этом понятие» [5, с. 7]. И **метафора** — это прежде всего **понятие**, которое обучаемые должны научиться правильно **понимать**. По сути, метафора есть мысль, пересённая в определённую (вербальную или невербальную) форму выражения. Термины для обозначения мысли и для обозначения способа выражения мысли совпадают (известная проблема смешения языка и метаязыка, уровня и метауровня). Мысль (метафору)

нужно научить материализовать в понятие (т.е. в то, что будет понятно носителю языка). Что такое, например, *гравитационные волны*?

Гравитация — это всемирное **тяготение**, сила земного **притяжения**. История слова *тяготение* представляет интересный пример утраты старой внутренней формы и развития переносных смысловых оттенков на основе научного терминологического значения. Так, под влиянием синонима *притяжение* в слове *тяготение* не ранее 40-50-х годов XIX в. развивается переносное значение: 'влечение, стремление' [6]. Как только в термине развивается переносное значение, он перестаёт быть термином.

Термин «метафора» по определению составляющих его элементов является метафорическим. Древнегреч. **μετά** букв. «между, среди, после, через» (элемент включается в ряд одноструктурных слов: *метабазис*, *метабиоз*, *метаболизм*, *метагалактика*, *метагенез*, *метаморфизм*, *метаморфоза*, *метасемантика*, *метасоматизм*, *метастабильность*, *метастаз*, *метатеза*, *метатеория*, *метафизика*, *метафаза*, *метафраза*, *метацентр*, *метагемоглобин* и др. [7, с. 518]). В древнегреч. **φορα** (букв. к **φέρω** «несу, ношу»; в составе сложного наименования **μετάφερω** «переношу, перемещаю») [8, II, с. 527] нами выделяется семантический компонент «движение» (встречается в *дать фору*, *бежать во весь опор*, где греческому *ph* соответствует *n* ($ph > p$; $\phi > n$)). Традиционно **метафора** определяется как «переносное значение», хотя более точным могло бы стать указание на 1) «перенесённое, перемещённое значение» и 2) на развитие (движение) семантики слова в пространстве и времени языка.

Теоретически значимым является понимание метафоры как универсального языкового явления, связанного с многократным переосмыслением ядерного (центрального, по К. Пайку) значения знака [9]. Порождение метафоры следует рассматривать как синтаксическое явление, поскольку все изменения в синтаксисе знаков вызывают изменения в их семантике. Семантика знака реализуется в синтаксисе [10]. По Л.Теньеру, «3. ...Можно заметить, что каждое слово предложения вступает с соседними словами в определенные связи (*connexions*), совокупность которых составляет костяк, или структуру, предложения. 4. Эти связи ничем не выражаются. Но они необходимо обнаруживаются сознанием говорящих, без чего ни одно предложение не было бы понятным. <...> 6. Так же обстоит дело и в мире химических элементов: в результате соединения натрия (Na) и хлора (Cl) образуется сложное вещество — поваренная соль, ли хлористый натрий (NaCl), — обладающее совершенно иными свойствами, нежели составляющие его натрий и хлор. 7. **Синтаксическая связь необходима для выражения мысли** (здесь и далее выделено нами — А.О.). Без нее мы не могли бы передать никакого связного содержания... 8. Именно **синтаксическая связь делает предложение живым организмом**, и именно в ней заключается его **жизненная сила**. 9. **Построить предложение — значит вдохнуть жизнь в аморфную массу слов**, установив между ними совокупность синтаксических связей» [11, с.22]. В приведённом фрагменте перевода гениального труда Л. Теньера значительное количество метафор,

которое в стилистике принято называть дидактическими, пояснительными. Это метафоры, которые говорят сами за себя, **ме(н)тафор(м)ы** — **ментальные формы**, в которых форма соответствует мысли.

Интерес представляет вопрос именно о внутренней форме языкового знака. Внутренняя форма представляет собой ассоциативную связь значения слова или текста со значением производящей номинативной единицы — двухкомпонентного образования (Я. Розвадовский) [12]. Считаю, что в этом случае более точно говорить о **ментасемантике (внутренней форме) ментаформ**. Приведём актуальное для нашего понимания определение: «**Менталитет** (лат. mens, mentis f) есть находящий свое материальное выражение в языке и действиях человека образ мышления, определяемый как его генетическими особенностями, так и принадлежностью к конкретной этносоциальной группе» [13, с. 7]. Во многом именно благодаря внутренней форме, по Н. Крушевскому, «язык имеет собственную археологию. Живая летопись слов заходит в те отдалённые эпохи древности, когда человек ещё не писал своей истории; эта летопись повествует нам о таких фактах, которые не могут быть добыты никакими раскопками, не могут быть прочитаны ни на каких папирусах; она способна нам рассказать историю духа человеческого» [14, с. 134].

Так, термин **семантика** восходит к греч. **сема** «знак, отметка», **значение** — это то, что отмечено в **знаке**. **Знак** — это отметка. **Обозначить** — оставить **знак**, **отметить** — оставить **метку** (прямой знак, отметину). Но **знак чего? о чём?** Разумеется, оставить **знак о вещи и о мысли** об этой вещи (отметить мысль в форме метки, обозначить мысль в форме знака). Буквальное значение корневого элемента **мета (мента)** неожиданно прослеживается в древней параллели.

В шумерской мифологии существовало сложное понятие «мэ», приблизительно переводимое как «сути, сущности» [15, с. 127]. **Мэ** понималось как таинственные могущественные божественные силы, управляющие миром, высший закон чего-либо, судьба, энергия, внутренние силы, божественное покровительство и благословение. До конца не расшифрованное шумерское **мэ** обозначало комплекс правил и закономерностей, предписанный каждому явлению природы или общества, дабы эти явления всегда подчинялись заранее задуманному плану. С.Н. Крамер характеризовал «мэ» как означающее «набор правил и предписаний, данный каждой космической единице и культурному феномену с целью вечного поддержания их функции в соответствии с планами создавшего их божества» [16, с. 136]. Присутствовал элемент **ме** и в названиях диалектов (мужского и женского) шумерского языка, на которых были записаны тексты [17, с. 15], что указывает и на **методы** упорядочивания системы письма (**сема** = с «мэ»).

В зороастрийской мифологии также существовал важный элемент — **бог Митра (Мифра)** — он ведал устройством человеческой вселенной, организацией человеческого общества. **Митра** — глава дома, и рода, и народа, страны и всей общины. Митра олицетворял идеи закономерности.

Одним из эпитетов Митры — «выпрямитель линий» (*Авеста: Избр. гимны. Из Видевдата* / Пер. с авест., предисл., прим. И словарь И. Стеблин-Каменского. М., 1992) [18, с. 587]. Он как бы корректирует жизненный путь, направляя людей и определяя всех на подобающее им место в обществе и в конкретной ситуации, определяя границы допустимого поведения. Митра ориентирует людей на следование универсальному закону — истине, правде, разумным основам жизни [18, с. 137]. *Выпрямитель линий* — это также то, что упорядочивает мир.

Предположим, именно **порядок, прямое соответствие** (нашей жизни — Божественному замыслу как изначальной физико-биологической программе, соответствие наших слов — мыслям, наших слов — делам и поступкам) и есть прямая **цель** (бел. *мэта*) нашей жизни. Великая метафора нашей жизни — прямое перемещение (движение) по прямой к конечной цели. **Мэта** — ‘месца, прадмет, лінія ці іншы ўмоўны арыенцір, да якога трэба дабегчы...; тое, да чаго імкнуцца’. Ст.-бел. **мета** ‘цэль’ (пач. XVI ст.), ст.-польск. **meta** (i met), лац. **meta** ‘цель, канчатковы пункт’ [19, с. 128]. Сравним в русском языке: *метать в цель, метить в мету*.

Очевидно, что при толковании проблемы множественного преобразования семантики одного и того же знака (мета, метка, метод, метать, мэта), приоритет должен оставаться за **семиотическим** подходом к языку, предложенным Ф. де Соссюром. «Вообще говоря, нет никакой необходимости знать условия, в которых развивался тот или иной язык. В отношении некоторых языков, например языка текстов Авесты или старославянского, даже неизвестно в точности, какие народы на них говорили; но незнание этого нисколько не мешает нам изучать их сами по себе и исследовать их превращения». И далее: «Внешняя лингвистика может нагромождать одну подробность на другую, не чувствуя себя стеснённой тисками системы» ... В отношении внутренней лингвистики дело обстоит совершенно иначе; здесь исключено всякое произвольное расположение. «Язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку» [20, с.61].

В исследованиях В.А.Карпова решались проблемы асимметрии языковых знаков в **прямом** соответствии системных свойств отдельных знаков в системе систем [21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты. — М., 2011.
2. Мартынов, В.В. Основы семантического кодирования. Язык и метаязык. Перспективы информатики // В центре сознания человека. — Минск, 2009. — С. 137–237.
3. Арутюнова, Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 2002. — С. 296–298.
4. Москвин, В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. — Ростов-на-Дону, 2006.
5. Эйнштейн, А. Как изменить мир к лучшему. — М., 2013.
6. Виноградов, В.В. Тяготение // История слов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=tjagotenie&vol=1>. — Дата доступа: 15.01.2016.
7. Новейший словарь иностранных слов и выражений. — Минск, 2007.

8. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов в 2-х т. — Т. 2. — М., 1994.
9. Pike K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. — The Hague-Paris, 1967.
10. Гордей А.Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / Отв. ред. Л.В. Рычкова [и др.]. — Гродно, 2005. — С. 32–35.
11. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса. — М., 1988.
12. Rozwadowski, J.M. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów // Wybór pism. Т. III. Językoznawstwo ogólne. — Warszawa, 1960.
13. Вассоевич. А.Л. Философские основы психологического описания менталитета народов классического Востока // Восток: философия, религия, культура : тр. теорет. семинара / С.-Петерб. гос. ун-т; под ред. Е. А. Торчинова. — СПб., 2001. — С. 7–24.
14. Крушевский, Н.В. Очерк науки о языке. — Казань, 1883.
15. Афанасьева В.К. Ме // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2-х т. — 2-е изд. — Т. 2. — М., 1997.
16. Крамер, С.Н. Шумеры = The Sumerians: Первая цивилизация на Земле: Пер. с англ. — М., 2002.
17. Канева, И.Т. Шумерский язык. — 2-е изд., доп. Перераб. — СПб., 2006.
18. Ударцев, С.Ф. Древняя Месопотамия, Хеттское царство и Древний Иран // История политических и правовых учений. Древний Восток : акад. курс : учебник. — СПб., 2007.
19. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 7. М — Н / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. — Мінск, 1991.
20. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; пер. с франц.; под ред. А.А.Холодовича. — М., 1977.
21. Карпов В.А. Язык как система. — Минск, 1992.